

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373

В.А. Белов

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Обсуждается семантическая деривация имен существительных, которая недостаточно полно изучена в современной лингвистике. Для исследования использованы данные Национального корпуса русского языка, результаты эксперимента на толкование новых слов, статистика запросов поисковой системы «Яндекс» и сведения словарей русского языка. Исследование показало, что в основе семантической деривации лежит изменение обозначаемой словом ситуации в контексте высказывания.

Ключевые слова: семантическая деривация; лексическое значение; лексические изменения; имя существительное; ситуативная семантика.

Введение

Целью настоящей работы является изучение процессов семантической деривации в сфере имен существительных. Под семантической деривацией (понятие введено Д.Н. Шмелевым) понимаются отношения производности между разными значениями одного многозначного слова¹. Сущность и механизмы семантической деривации активно обсуждаются в современной лингвистике [1–9]. В рамках антропоцентрического подхода к языку механизмы семантической деривации связываются с описанием когнитивных моделей и схем. В основе языковых изменений лежат когнитивные процессы познания и использования языка [8–10]. Важную роль в семантической деривации играет выражение той или иной ситуации: «Основой семантического развития слова служит не только исходное, базовое значение, но и соответствующая прототипическая ситуация» [3. С. 108]. Вместе с тем часто акцент в исследовании семантической деривации сделан на изучении глагольной лексики, которая по категориальным и ситуативным свойствам значительно отличается от других частей речи. В вербоцентрическом подходе к языку глагольные лексемы представляют основу, семантический прообраз всего высказывания: «Предикат является главным определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, в которой в ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся» [11. С. 220]. Таким образом, связь глагольной семантики с ситуативным аспектом языка более очевидна. Так, в работах [3, 4] показано, что при семантической деривации глаголов изменяются семантические характеристики предиката и связанных с ним актантов (участников ситуации), которые представляют важные аспекты описываемой ситуации.

Разные семантические классы (особенно части речи) обладают различной способностью к изменениям: наиболее подвержена семантическим изменениям глагольная лексика [12], однако даже в пределах одной части речи возможны различия с этой точки зрения в зависимости от развития синонимических связей, принадлежности прототипической или периферийной части семантической категории [8].

Методология исследования

В настоящей работе применяется ситуативно-контекстуальный подход для объяснения процесса семантической деривации в сфере имен существительных, ситуативная семантика которых менее очевидна по сравнению с глаголом. Гипотеза исследования – семантическая деривация имени существительного обусловлена изменением обозначаемой словом прототипической ситуации под влиянием контекстуальной ситуации, представленной в высказывании. Прототипической ситуацией называется ситуация, «с которой связано исходное значение слова» и которая является «источником (поставщиком) материала для производных значений» [13. С. 39]. В отличие от предшествующих исследований акцент сделан не на моделях или типах семантических изменений (которые достаточно полно описаны в лингвистике), а на самом процессе изменения.

Следует сделать несколько замечаний о понятии *ситуация*, которое является многозначным в лингвистике. Выделяют денотативную (или реальную), сигнификативную (или языковую) и прагматическую (ситуацию общения) ситуации [14, 15]. Денотативная ситуация характеризуется принадлежностью к реальному миру и обозначает «куски» (кадры, фрагменты) действительности. Сигнификативная ситуация является языковым представлением денотативной ситуации (см.: [15]) и показывает «в языковом сознании некоторое типизированное событие» [14. С. 121]. Многократное повторение одних и тех же событий приводит к их типизации в сигнификативной ситуации [16]. В настоящей работе предметом анализа становится сигнификативная ситуация.

В исследовании используется материал современной речи, потому что он позволяет проследить хронологию языковых изменений с учетом экстралингвистических факторов, выявляя, «как происходило движение от одного значения к другому (или другим) внутри структуры слова» [17. С. 98].

Основным источником являются тексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и средств массовой информации. Также используются статистические данные поисковой системы «Яндекс» и сведения словарей русского языка, для анализа нескольких примеров применяются результаты экспе-

римента на толкование слов. В эксперименте приняли участие 45 человек, в основном студенты университета в возрасте от 19 до 35 лет, в том числе 24 женщины, 13 мужчин, еще 8 участников эксперимента не указали пол. Испытуемым предлагалось дать толкования 12 имен существительных, которые появились или изменили значение в последние пять лет. Отобранные слова касаются современных политических событий (*силовики, ополченцы, бандеровцы, Крым-наш*); данные слова активно употребляются в современной речи и, как представляется, могли изменить свое значение под влиянием нового контекстуального окружения. Все стимулы являются именами существительными, большая часть которых относится к конкретным именам, обозначающим людей по различным признакам (*ополченцы, бандеровцы*).

Результаты исследования

Наше исследование показывает, что в основе лексических изменений лежит процесс семантической актуализации нового значения слова в общей ситуации высказывания: новая ситуация, представленная в высказывании, постепенно закрепляется в значении самого слова. Этот процесс возможен при условии частотной реализации такой ситуации. Рассмотрим его на нескольких примерах.

Слово *бандовец* активно используется в современном политическом дискурсе и СМИ. При этом оно низкочастотно (всего 160 употреблений лексемы в основном подкорпусе НКРЯ), поэтому не зафиксировано в толковых словарях русского языка. Однако в последнее время, под влиянием политических событий, частотность лексемы резко возрастает, о чем свидетельствует статистика ключевых слов в Яндексе. Например, в 2015 г. среднесуточное количество запросов составило 53 тысячи.

Как показывает статистика газетного подкорпуса НКРЯ, частотность употребления слова с 2013 г. резко возрастает, поэтому можно сделать вывод, что семантическая деривация сопровождается увеличением частотности употребления слова.

В текстах до 2013 г. слово употребляется преимущественно для описания событий Великой Отечественной войны (см. высказывание (1) из НКРЯ). Здесь реализуется значение, которое можно представить следующим образом: *участник националистической организации, главарем которой являлся Степан Бандера*.

(1) *Запавшись до лютоści бандеровці схватили нестрелевиків, истыкали їх ножами, привязали веревками к буферу машины, выпустили из бака бензин, согнали селян «дывитися» и, выбрав самого здорового и мирного парнягу, под оружиєм принудили его бросити спичку* (В. Астафьев. 1974).

Однако подавляющая часть современных употреблений реализует иное значение, связанное с обозначением украинских военных, радикально настроенных украинцев и даже в целом украинцев. В высказываниях (2–4) мы видим толкования испытуемых, которые они представили в ходе эксперимента, в примерах (5–7) – высказывания из газетного подкорпуса НКРЯ.

(2) *Бандеровцы – фашисты, укры, хохлы* (Исп. 23)².

(3) *Бандеровцы – борцы за освобождение украинского народа* (Исп. 11).

(4) *Бандеровцы – радикально настроенные сторонники новой власти Украины глазами властных органов РФ* (Исп. 2).

(5) *Бандеровцы разрушают памятники Ленина, а повстанцы Левобережья проводят свои митинги у подножия ленинских памятников* (А. Проханов. «Известия». 2014).

(6) *Политологи тут же раскинули свои крапленые карты, и вышло – коль русские нынче воюют с бандеровцами и фашистами, то, значит, пора появиться и Сталинграду* (В. Ворсоби́н. «Комсомольская правда». 2014).

(7) *На западе Украины есть попытки свержения местных властей, не устраивающих неонацистов и бандеровцев* (К. Волков. «Известия». 2014).

В формировании нового значения слова определяющую роль играют общий смысл высказывания, описываемая им ситуация, которая обуславливает соответствующую интерпретацию входящих в высказывание слов.

Отдельно отметим синонимические связи со словами *фашист, националист*, которые проявляются, в частности, в высказываниях (6–7). Подобные примеры позволяют проанализировать процесс семантической деривации, который приводит к расширению значения слова. Это слово в современных текстах СМИ употребляется в высказываниях, описывающих украинские события. Частотная реализация такой ситуации приводит к тому, что актуализированная в контексте ситуация становится характерной для самого слова. В дальнейшем, после завершения данного семантического процесса, возможна реализация новой ситуации изолированно, без контекстуального подкрепления: так, в эксперименте на толкование слов предъявление стимула без контекста реализует уже новое значение с соответствующей ситуацией.

Такой же процесс характерен для сужения значения, которое отмечается в примере слова *силовики*. Однако семантическая деривация этого слова характеризуется незавершенностью. Изменение значения этого слова фиксируется в 2014 г., в период российско-украинского политического кризиса. Данный пример удобен тем, что позволяет проследить процесс семантической деривации в развитии.

Слово *силовики* в русском языке появилось в 1990-х гг. для гипонимического обозначения представителей силовых ведомств (полиции, армии и спецслужб), однако, как показывает статистика запросов системы «Яндекс», рост его популярности приходится на период с 2014 г. При этом значительная часть употреблений слова в современных текстах касается описания российско-украинских политических событий, что приводит к изменению его значения. Статистика газетного подкорпуса НКРЯ демонстрирует, что частотность лексемы постепенно возрастает, а пик употреблений приходится на 2014 г., т.е. на период российско-украинского политического кризиса. Хотя увеличение частотности слова не такое резкое, как для лексемы *бандовец*, что свидетельствует о

том, что семантическая деривация этого слова менее выраженная и незавершенная.

Сейчас слово стало активно употребляться в значении *украинские военные*, на что указывают результаты эксперимента и современные тексты: см. ответы участников эксперимента на толкование слов (8–9) и высказывания (10–11) из средств массовой информации, где реализуется новое значение.

(8) *Силовики – представители ВСУ – вооруженных сил Украины* (Исп. 1).

(9) *Силовик – украинские военные глазами властных органов РФ* (Исп. 18).

(10) *Украинские власти обвинили ополченцев в обстрелах городов и гибели шести силовиков за последние сутки. Самопровозглашенные ДНР и ЛНР обвиняют Киев в стрельбе по жилым районам* («РБК». 2015).

(11) *Со стороны силовиков погибли четверо военнослужащих внутренних войск, четверо «беркутовцев» и двое дорожных инспекторов* (И. Петров. «РБК Дейли». 2014).

Особая роль в создании новой ситуации отводится употреблению конкретизаторов ситуации, которые способствуют созданию общего смысла высказывания. В данном случае их функции выполняют словоопределение *украинский* и контекстуальные синонимические замены (*военные, бойцы*). Подобные контексты называются связывающими, употребление которых является важным, переходным этапом изменения: «A word cannot become polysemous overnight either. <...> ‘bridging contexts’ mask the transition from online pragmatic implication to genuine polysemy [18. Р. 28–29]. Семантическая деривация имеет три стадии развития: этап базового значения (до изменения), этап связывающих контекстов (предполагающий употребление контекстуальных конкретизаторов ситуации), этап завершения семантических изменений (предусматривающий употребление слова без контекстуального подкрепления). Как отмечается в работе [10], изменения происходят не скачками, а постепенно, под сильным влиянием контекста.

По мере завершения семантического сдвига необходимость в употреблении определений и использовании синонимов отпадает. Так, в приведенных высказываниях (10–11) слово употребляется без определения *украинский*. Вместе с тем в газетном подкорпусе НКРЯ представлено большое количество контекстов употребления слова с определением, что свидетельствует о том, что процесс семантической деривации еще не завершён в полной мере. О незавершенности семантических изменений также говорят данные о частотности слова: в 2014 г. не наблюдается резкого увеличения частотности лексемы. Можно сказать, что семантическая деривация слова *силовик* находится на втором этапе, предполагающем употребление контекстуальных конкретизаторов. По всей видимости, на скорость семантической деривации влияют экстралингвистические причины – общественная значимость обозначаемых событий и ситуаций. В этом случае политические события на Украине потеряли актуальность для российских СМИ раньше, чем завершился процесс семантической деривации. Так, в тек-

сте 2019 г. (12) представлено широкое значение слова, которое не испытало влияния описываемой семантической деривации.

(12) *При этом на несогласованных акциях 27 июля и 3 августа силовики задержали более 1,6 тыс. человек. Следственный комитет возбудил уголовное дело о массовых беспорядках и ряд дел о насилии в отношении представителей власти* (Неизвестный автор. «РБК». 2019).

Таким образом, данные примеры показывают историю изменения значения слова, что позволяет проанализировать не результат изменений, а постепенный процесс семантического развития слова. Как представляется, сложность и противоречивость семантической деривации слова *силовик* напрямую коррелирует с частотностью реализации той или иной ситуации в контексте: в данном случае не наблюдается резкого скачка количества употреблений слова в новом, более узком значении.

Описываемый процесс свойствен не только политической лексике. Рассмотрим это на примере слова *стоянка*, семантическое развитие которого можно проследить при сравнении словарных толкований, представленных в МАС и современном словаре Т.Ф. Ефремовой.

Стоянка. 1. Остановка, временное пребывание где-л. на пути следования, в походе и т.п. 2. Стоянка транспорта в перерывах между работой [19. С. 278].

Стоянка. 1) Остановка во время движения, похода и т.п. Временное пребывание на одном месте. 2) Место остановки, временного пребывания. Место, где стоит транспорт в ожидании пассажиров. разг. Место, где останавливается транспорт во время рейса для посадки и высадки пассажиров; остановка. 3) Место поселения людей каменного века [20].

Современное употребление слова, как показывает НКРЯ, реализует ситуации, связанные остановкой во время движения и местом временного пребывания транспорта (преимущественно автомобильного; см. пример (13)), несмотря на то что в толковых словарях базовым оказывается иное значение слова. Доминирование «транспортной» ситуации в семантике слова особенно очевидно при анализе высказываний из газетного подкорпуса НКРЯ (см. высказывание (14)). Изменение употребления прежде всего связано с экстралингвистическими причинами, возросшей ролью автомобильного транспорта в социальной жизни, что приводит к формированию многозначности слова: «Потребность в обозначении новых объектов и ситуаций обеспечивается главным образом за счет использования уже существующих языковых единиц в новых значениях, то есть за счет полисемии» [13. С. 22].

Увеличение частотности как важный фактор семантического изменения также отмечается в этом примере. Данные основного подкорпуса НКРЯ показывают, что с 1989 г. частотность слова постепенно возрастает. Отметим еще один пик частотности слова с 1974 по 1981 г.: в этом время оно употребляется в широком значении («Остановка, временное пребывание на пути следования, в походе» [19. С. 278]) и обозначает остановку различных объектов. Скорее всего, данный пик свидетельствует о прошедшей в тот пери-

од семантической деривации, которая привела к расширению значения (связанному с увеличением количества обозначаемых объектов).

(13) *Для того чтобы повзрывать все эти автомобили, никого не убив и не ранив, нужно было иметь самые точные сведения о графике перемещения их хозяев, не говоря уже о прочих сложностях, типа охраняемых гаражей и **стоянок*** (В. Белоусова. 2000).

(14) *Взамен ему обещали 25-летнюю аренду участка на площади под **стоянку*** (Д. Рункевич, Е. Малай. «Известия». 2014).

Семантическая деривация слова сочетается с изменением модели управления слова. Если в высказываниях, датированных 1977 г., в ситуациях, связанных с транспортом, слово используется с зависимыми словами (*стоянка автомобиля, такси*; см. высказывания (15–16)), то изолированное употребление слова реализует другую ситуацию (которая представлена в первом значении; см. высказывание (17)). В настоящее время изолированное употребление может реализовать ситуацию, связанную с транспортом (см. (13–14, 19). В то же время в современном употреблении зависимые слова необходимы для реализации ситуации, не связанной с автомобилями: например, в высказывании (18) для конкретизации ситуации требуется пояснение.

(15) *Тексье вскопчил и чуть ли не бегом направился к ближайшей **стоянке такси*** (Г. Максимович. «Техника – молодежи». 1977).

(16) *Харчевня возле дороги. Столбики для **стоянки автомобиля*** (В. Песков, Б. Стрельников. 1977).

(17) *Он пил водку и ласкал непонятно как случившуюся на струе смуглую, раскосую девушку, а на **стоянках** гулял с нею по берегу* (Ю.М. Нагибин. 1977).

(18) *В ближайшие два дня они проведут тренировки по противодиверсионной обороне на незащищенных рейдах и пунктах **стоянки кораблей*** (В. Баранец. «Комсомольская правда». 2013).

(19) *И за прогрев мотора зимой – а это и есть **стоянка** с включенным двигателем – могут «нагреть» аж на несколько тысяч* (А. Гречанник. «Комсомольская правда». 2013).

Процесс семантического развития происходил в несколько стадий за счет постепенной трансформации семантики слова. В настоящее время семантическую организацию слова можно представить с помощью следующих значений:

1. Базовое и наиболее широкое значение: «Остановка, временное пребывание на пути следования, в походе» [19. С. 278] (реализация значения представлена в (16)).

2. Значение, которое появилось в результате сужения базового и которое можно представить следующим образом: «Остановка во время движения транспорта» (см. предложение (18)).

3. Значение, полученное путем метонимического переноса второго значения (ср. тип регулярной многозначности 'действие' – 'место действия' [1. С. 199]): «Место временного пребывания транспорта (преимущественно автомобильного)» (см. (12–13)).

Новые значения слова появились из-за того, что подавляющее большинство высказываний в языке

(соответственно, и ситуаций) связаны с транспортом. Первоначально реализация требовала специальных пояснений (например, употребление с определением *стоянка автомобиля*; см. (16)), но позднее необходимость в таких уточнениях отпала, потому что слово стало ассоциироваться с новой ситуацией.

Разберем еще несколько примеров из современной речи. Заимствованное слово *барбекю* также изменило значение под влиянием контекстной реализации ситуации. Сейчас можно выделить два значения слова, которые представлены в словаре С.А. Кузнецова:

Барбекю, неизм.; 1. Жаркое, приготовленное на решетке, расположенной над углями. 2. Отдых вне дома, увеселительная прогулка, когда готовят такое жаркое [21].

Представленные значения организованы по модели 'предмет' (т.е. продукт, приготовленный определенным образом; см. (20)) – 'действие' (процесс приготовления данного продукта; см. (21)).

В словаре Е.Н. Шагаловой добавлены инструментальное значение (называющее орудие (оборудование), с помощью которого готовят данный продукт), которое в издании представлено как исходное значение в семантической структуре слова, а также значение, связанное с обозначением соуса с соответствующим вкусом:

Барбекю, барбекью, неизм. 1. Переносная печка для приготовления еды, нагреваемая углем 2. Мясо, курица, рыба, овощи и т.п., приготовленные на барбекю (см. 1-е знач.). 3. Пряный острый соус для жаркого. 4. Пикник, вечеринка, на которой подаются блюда, приготовленные на барбекю (см. 1-е знач.) [22. С. 40–41].

Однако инструментальное значение низкочастотное в речи, поэтому его, скорее всего, нельзя считать исходным (см. текст рекламного характера (22), где оно представлено). В современной речи более частотным оказывается значение, обозначающее действие (*Отдых вне дома, увеселительная прогулка, когда готовят такое жаркое*), а в текстах 2000-х гг. более распространенным оказывается первое, предметное значение (*Жаркое, приготовленное на решетке, расположенной над углями*).

По всей видимости, формирование значения, связанного с действием, стало результатом частотной реализации ситуации, которая представлена в высказывании (23). Здесь субъект выполняет определенные действия для приготовления барбекю; с одной стороны, в высказывании реализовано «предметное» значение (например, допустима замена на слово *шашлык*), с другой стороны, высказывание содержит определенный метонимический перенос, так как ситуация интерпретируется как *повозиться с [приготовлением] барбекю*. Однако из контекста очевидно, что субъект занимался именно приготовлением продукта (поэтому такое речевое уточнение не требуется); регулярность подобных контекстуальных интерпретаций приводит к закреплению нового значения.

(20) *Ведь шашлык или **барбекю**, без которых ни один поход не обходится, готовятся не три раза в день* (И. Кобылкина. «Труд-7». 2005).

(21) *Здесь заменят бортовой камень и ограждение вдоль реки, обновят газон, устроят площадку для барбекю и поставят детский городок* (Н. Корчмарек. «Известия». 2012).

(22) *Семена, удобрения, грунты, газонокосилки, водонагреватели, лестницы, мангалы, грили, барбекю, насосы, обогреватели, садовый инвентарь, бытовая химия. Адрес: пр. Андропова, д.* (Неизвестный автор. «Комсомольская правда». 2007).

(23) *Иногда вечером приходится повозиться с барбекю. Хотя бифитекс на открытом огне – это уже не работа, а развлечение* (С. Ломан. «Формула». 2001).

Семантическую деривацию слова *рассылка* можно представить как сужение, спецификацию значения. Первое значение, представленное в современных текстах, является обозначением действия по соответствующему глаголу (см. толкование словаря Т.Ф. Ефремовой): *Действие по значению глаг.: рассылать* [20].

Слово при реализации этого значения сочетается с разными объектами: *рассылка отписок, книг, приказчиков* (см. (24–26)). Однако современное значение слова предполагает более узкое действие – массовую отправку сообщений. Семантическая деривация прежде всего вызвана социальными причинами (а именно возросшей ролью информационных технологий), что привело к большому количеству высказываний, где реализуется новая ситуация (см. (27)). В результате слово *рассылка* практически не используется в первом значении в настоящее время. Слова во втором значении оно может сочетаться с объектами, которые конкретизируют тип сообщения: *рассылка писем, SMS, вирусов, опросов* и пр. (см. (28)). В этом случае требование к выбору субъекта является представлением конкретного вида сообщения; напротив, реализация первого значения допускает разные типы объектов.

Более того, можно говорить еще об одном типе семантической деривации по модели регулярной полисемии 'действие' – 'объект действия' [1] (см. пример (29)). Последнее значение, которое можно представить как сообщение, отправленное / полученное в ходе рассылки, пока низкочастотно в публицистической речи.

Таким образом, можно выделить три значения слова:

1. Действия от глагола *рассылать*, предполагающие согласование с разными объектами (*рассылка отписок*); представлены в несовременных текстах, а в настоящее время реализуется редко.

2. Массовая отправка сообщений, писем (сочетается с определенным типом объектов); высокочастотно в современной речи.

3. Сообщение, отправленное / полученное в ходе рассылки; семантическая деривация в данном случае не завершена.

(24) *Написав последний из назначенных к рассылке отписок, палеонтолог вздохнул. Давно уже не было ему так легко и радостно. Теперь по его дороге пойдут многие, более молодые, может быть, более талантливые* (И.А. Ефремов. 1944).

(25) *Самый большой центр по рассылке покупок почтой. Самый людный угол в мире. Самый проходи-*

мый мост на земном шаре Bush street bridge (В.В. Маяковский. 1925–1926).

(26) *Сверх того, квитанции еще не готовы и хлопот с три пропасты: рассылка приказчиков для торговли по Амуру* (М.А. Бестужев. Путевые письма родным (1857)).

(27) *Возможностью защитить себя от платных рассылок с помощью специального счета для оплаты контента пока воспользовались не более сотни абонентов по всей стране* (А. Богданов, В. Зыков. «Известия». 2014).

(28) *В МВД «Известия» подтвердили рассылку письма замминистра и участвовавшие случаи нарушения ведомственного дресс-кода* (А. Лялякина. «Известия». 2014).

(29) *На электронную почту пришла рассылка из отдела кадров с письмом, где указаны страны, которые отныне под запретом, а в которых можно отдышаться* (И. Петров. «РБК Дейли». 2014).

Похожие процессы семантической деривации можно обнаружить у других слов, употребляющихся в современной речи: *триллер* как жанр фильма или как драматические события в жизни; *тюнинг* как результат, объект или как действие; *ланч* как обед или как обеденное время; *клип* как фильм-исполнение песни или небольшой фильм, сюжет на разные темы; *бонус* как премия, дополнительная выплата, или как дополнительная скидка, или как подарок покупателю. См., например, разбор современных лексических изменений в работах [23, 24].

Обсуждение результатов

Анализ современных семантических изменений показывает особую роль контекстуальной реализации ситуации в изменении значения слова. В основе семантической деривации лежит механизм закрепления новой ситуации, реализованной в высказывании и тексте, в семантике самого слова: «Meaning B often comes into existence because a regularly occurring context supports an inference-driven contextual enrichment of A to B. Subsequently this contextual sense may become lexicalized to the point where it need no longer be supported by a given context» [25. P. 550]. Подобные контекстуальные сближения возможны благодаря тому, что значение слова формируется в рамках конкретного высказывания [26, 27]. Особое значение имеет частотность высказываний с реализацией новой ситуации. В целом частотность слов и частотность реализации той или иной ситуации рассматривается как ключевой фактор изменчивости, хотя прямой зависимости от частотности и степени изменчивости можно не наблюдать, так как на частотность влияют и другие факторы; см. последние публикации по этой проблеме [28–30].

В работах по семантической деривации, выполненных на материале глагольной лексики [3, 4, 6, 12], показано, что семантические изменения связаны с трансформацией прототипической ситуации. Однако данный процесс необходимо рассматривать как универсальный, характерный для разных частей речи. Глагольная семантика в большей степени связана с

ситуативным содержанием предложения, поэтому их изменения были описаны в первую очередь.

Причиной неустойчивости прототипической ситуации является то, что в основе понимания лежит сложный процесс смыслового взаимодействия ситуативной информации разных уровней. Текст включает большое количество высказываний, каждое из которых способно выражать ситуацию. В связи с этим в тексте разворачивается процесс обобщения ситуаций разного уровня. Подобные механизмы разобраны на примере разных типов текста в работах [31–34]: в тексте создается сложная иерархия ситуаций. Причем ситуации высказываний, текстовых фрагментов и целостного текста могут не суммироваться механически, а взаимодействовать сложным, нелинейным образом. Перечисленные аспекты демонстрируют теоретическую сложность подхода к описанию ситуативной семантики отдельных имен существительных. Подробное изучение механизмов взаимодействия ситуативного содержания при порождении и восприятии речи требует отдельного, обстоятельного исследования, проведение которого не входит в задачи данной работы.

Имена существительные, которые являются объектом нашего исследования, согласно традиционной точке зрения, выражают не ситуацию в целом, а лишь часть, некоторые субъекты, объекты (аргументы ситуации): «Сам по себе объект не задает ситуацию, так как этот объект может вступать с другими в самые разнообразные отношения, участвовать в самых разных процессах, менять свои свойства» [11. С. 220]. Однако представленная характеристика свойственна лишь конкретным именам существительным. При этом отмечается, что объект может задавать определенный тип действия: «Некоторые типы объектов (в первую очередь – артефакты) имеют специальные свойства и функции, которым соответствуют предикаты, обозначающие их способ функционирования или использования человеком: если нож функционирует, то он режет... Такие существительные в толковании имеют семантический предикат» [13. С. 8]. Подобные семантические связи между субъектом, объектом и действием отражаются при интегральном описании языка, так как носители языка «владеют этой информацией – она составляет часть их языковой компетенции» [35. С. 105].

Называя определенный предмет, имя существительное задает информацию о ситуации, в частности о способе использования этого предмета, определенном типе действий, наличии сопутствующих участников ситуации с определенными характеристиками. Так, в работе [36] выделяются типы имен существительных, которые отличаются способностью выражать ситуацию: наибольшей способностью обладают отвлеченные имена существительные, а наименьшей – конкретные имена существительные. Рассмотрим для примера слово *стоянка*, относимое к отглагольным именам (отвлеченным, абстрактным именам существительным, обозначающим имена действий, состояний), которые «семантически наиболее близкие глаголам» [36. С. 36] и описывают ситуацию так же, как и глагол [37]. Оно задает ситуацию, связанную с тем,

что субъект или объект временно прекращает движение; данная ситуация определяет выбор других актантов в высказывании. При реализации базового значения («Остановка, временное пребывание на пути следования, в походе») предполагается использование в роли агенса одушевленного субъекта (см. высказывание (17)), второе значение («Остановка во время движения транспорта») предусматривает употребление определенных актантов, связанных с транспортом: *стоянка автомобиля, стоянка транспорта* (см. (16)). Как было отмечено выше, в современном употреблении этот актант может быть не выражен на поверхностном уровне (см. высказывание (19)). В большей степени отглагольные свойства теряются в третьем значении слова («Место временного пребывания транспорта»), однако при детальном анализе также можно установить, что даже такое употребление задает ситуацию, хотя достаточно скрытую. Так, в предложении (30) речь идет о том, что в одном месте находилось определенное количество автомобилей, однако этому описываемому моменту предшествовала другая ситуация, предполагающая, что автомобили временно оставили на определенном месте. Как видим, в таком предложении происходит сложное обобщение всех возможных ситуаций, заданных словами³.

(30) *Только на стоянке было 100 тыс. автомобилей* (Э. Сержан, С. Злобин. «Известия». 2014).

Ситуативная семантика может быть выражена менее четко, чем в примере со словом *стоянка*. Например, слово *силовик*, на первый взгляд, лишено ситуативного компонента, а только называет лицо по профессиональному признаку. Однако при семантической деривации, которая описана нами выше, изменяются семантические ограничения, предъявляемые к другим участникам ситуации. Слово *силовик* в первом, широком значении может сочетаться с разными типами действий, которые реализованы в различных условиях (временных и пространственных) (см. пример (12)). Второе значение предполагает употребление глаголов, связанных с военными действиями, а также ограничение по временным и пространственным условиям, связанным с российско-украинским конфликтом. Так, в примере (31) реализовано второе значение слова *силовик*, что подкреплено описанием военных событий: *наступательная операция, передать под контроль, прекращение огня*.

(31) *Украинские силовики и их противники не предпринимали значительных наступательных операций, но постоянно находились в огневом контакте с противником. Также украинским силовикам должен быть передан контроль над остающимися в руках восставших трех пограничных КПП, считают в Евросоюзе* (А. Артемьев. «РБК Дейли». 2014).

Информация о ситуации, ее участниках и обстоятельствах имплицитно присутствует в семантике имени существительного, и она оказывается важна для создания общей ситуации высказывания и ситуаций более высокого уровня. Ситуативная семантика для этого слова выражена в представлении

некоторых требований и ограничений к общей ситуации. Семантическая деривация в данном случае сопровождается изменением указанных требований и ограничений к действию и другим участникам ситуации, при этом такие изменения являются не причиной, а следствием семантических изменений.

Наименее четко ситуативное начало выражено в конкретных именах существительных, которые представляют физические предметы мира. Такие имена в меньшей степени «привязаны» к обозначению той или иной ситуации [36, 38, 39]. Однако и эти имена могут при некоторых условиях выражать ситуацию: например, слово *барбекю* в первом значении обозначает предмет действительности с определенными свойствами, однако оно предполагает также характеристики процесса приготовления (получения) продукта, что в дальнейшем приводит к семантической деривации. Семантическое развитие слова является результатом усиления его ситуативной семантики: второе значение предполагает барбекю как действие (ситуацию) по приготовлению продукта (см. высказывание (21)).

Таким образом, семантическая деривация является следствием изменения обозначаемой в контексте ситуации и требований к действию и актантам. В работе [13] следующим образом описан процесс семантической деривации глагола, который применим для анализируемых нами имен существительных: «Одновременно происходят два противоположенных семантических процесса: с одной стороны, круг актантов расширяется и глагол “вбирает” все большее количество новых объектов – в этом смысле исходное значение и прототипическая ситуация выступают как источник некой “абстрактной схемы”, под которую “подводятся” разные объекты; но с другой стороны, происходит “приспособление” глагола к новым типам объектов» [13. С. 26]. Можно сказать, что имя существительное также расширяет значение за счет сочетания с разными типами действий и актантов, одновременно изменяя свое значение и выражаемую ситуацию (см. примеры *силовики*, *бандеровец*).

Способность имен существительных выражать ситуацию, скорее всего, имеет континуальный характер, поэтому можно построить шкалу ситуативности имен существительных: на одном ее полюсе находятся отглагольные имена (способные самостоятельно выражать ситуацию), на противоположном – конкретные существительные, представляющие физические предметы материального мира.

Семантическая деривация рассматривается как реализация языковой категоризации (классификации) предметов мира [13, 40, 41], т.е. как стремление человека описывать новые объекты с помощью известных и простых понятий: «Главная причина полисемии – когнитивная: человек понимает новое, неосвоенное через данное, освоенное и известное, моделирует новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, «подводя» под освоенные модели новые элементы опыта» [13. С. 23].

На современном этапе развития лингвистической науки ситуативный подход позволяет объяснить особенности семантической деривации: ее источником становится не столько исходное значение, сколько связанная с ним ситуация. В ней сконцентрировано значительно больше информации, чем в значении слова (которое, в частности, представлено в словарях) [13, 41, 42], что и делает возможным семантическое развитие слова.

По результатам исследования можно заключить, что гипотеза исследования, согласно которой семантическая деривация имени существительного обусловлена изменением обозначаемой словом прототипической ситуации под влиянием контекста, подтвердилась. Однако требует дальнейшего изучения вопрос о характере выражения именем существительным ситуации и его участия в формировании общей ситуации высказывания. При этом очевидно, что имена существительные обладают большим семантическим потенциалом, связанным с ситуативным компонентом, который недостаточно полно описан в лингвистике.

Как представляется, способность слова выражать ситуацию определяет характер его изменчивости: в исследованиях [12, 42, 43] показано, что глагольные лексемы, отличающиеся высокой способностью представлять ситуацию и более «адаптированные» к контексту, в большей степени подвержены семантическим изменениям.

Как отмечает И.А. Стернин, возможность семантической деривации зависит также и от типа текста [44]: семантические переносы встречаются чаще всего в художественной, публицистической и устно-разговорной речи. Особенно нужно выделить роль языковой частотности, которая является «двигателем» языковых изменений: изменения возможны при активном использовании в речи. Резкое увеличение употреблений слова, как правило, свидетельствует о переосмыслении слова и перестройке его семантических связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отечественной лингвистике иногда используется термин *оттенок значения* для описания полисемии. Так, Р.А. Будагов, анализируя употребление многозначного слова *идти*, считает, что этот глагол «сохраняет свое основное значение, лишь приобретая в том или ином случае дополнительные оттенки, подсказанные контекстом» (цит. по: [1. С. 243]). Однако Ю.Д. Апресян, комментируя это положение, отмечает, что употребления слова различаются существенными признаками, которые связаны с денотативным и сигнификативным содержанием, поэтому представленные различия в современных словарях трактуются как отдельные значения [1. С. 243].

² Здесь и далее в скобках указан порядковый номер испытуемого.

³ Также выраженной ситуативной семантикой обладает слово *автомобиль*, который предполагает определенный способ действия и актантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 768 с.
2. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

3. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
4. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3–23.
5. Пономарева О.Б. Семантическая деривация и многозначность: неоднозначность и слияние смыслов в поэтическом тексте // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 212–217.
6. Розина Р.И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 3–15.
7. Урысон Е.В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 226–261.
8. Geeraerts D. Diachronic prototype semantics: A contribution on Historical Lexicology. Oxford : Clarendon, 1997.
9. Traugott E., Dasher R. Regularity in Semantic Change. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
10. Traugott E. Pragmatics and language change // The Cambridge Handbook of Pragmatics / eds. by A. Keith, K. Jaszczolt. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 549–566.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : УРСС, 2004. 352 с.
12. Dubossarsky H., Weinshall D., Grossman E. Verbs change more than nouns: A bottom-up computational approach to semantic change // Lingue e Linguaggio. 2016. Vol. XV. P. 5–25.
13. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
14. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. 502 с.
15. Касевич В.Б. Труды по языкознанию : в 2 т. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. Т. 1. 664 с.
16. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М. : УРСС, 2003. 384 с.
17. Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 94–106.
18. Enfield N. Linguistic Epidemiology: Semantics and Grammar of Language Contact in Mainland Southeast Asia. London : Routledge Curzon, 2003.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 4.
20. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info>
21. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
22. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1500 слов. М. : АСТ; Астрель, 2011. 413 с.
23. Ермакова О. Семантические процессы в русском языке на рубеже веков // Acta Neophilologica. 2006. № 8. С. 23–32.
24. Язикова Ю.С. Семантические процессы в лексике русского литературного языка // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 174–182.
25. Evans N., Wilkins D. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages // Language. 2000. № 76. P. 546–592. DOI: 10.2307/417135
26. Evans V. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction // Cognitive Linguistics. 2006. № 17 (4). P. 491–534. DOI: 10.1515/COG.2006.016
27. Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of pragmatics / eds. by L. Horn, G. Ward. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 657–374.
28. Aitchison J. Language change: progress or decay? Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
29. Karjus A., Blythe R., Kirby S., Smith K. Quantifying the dynamics of topical fluctuations in language // Language Dynamics and Change. 2018. URL: <https://arxiv.org/pdf/1806.00699.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
30. Hamilton W., Leskovec J., Jurafsky D. Diachronic Word Embeddings Reveal Statistical Laws of Semantic Change // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2016, August 7–12. Vol. 1: Long Papers. Berlin, 2016. P. 1489–1501. DOI: 10.18653/v1/P16-1141
31. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. Москва; Воронеж : Моск. психол.-социал. ин-т; НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
32. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 159 с.
33. Ballmer T. Macrostructure // Pragmatics of Language and Literature. Amsterdam; Oxford; New York, 1976. P. 1–22.
34. Dijk van T. Semantic Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 2: Dimensions of Discourse. London; Orlando; San Diego; New York; Toronto; Montreal; Sydney; Tokyo, 1985. P. 1–8.
35. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 568 с.
36. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
37. Gurevich O., Crouch R., King T., Paiva de V. Deverbal Nouns in Knowledge Representation // Journal of Logic and Computation. 2008. № 18 (3). P. 385–404. DOI: 10.1093/logcom/exm070
38. Givón T. Syntax: A functional-typological introduction. Amsterdam : John Benjamins, 1984. Vol. I.
39. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
40. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. L. : The University of Chicago press, 2003.
41. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
42. Fillmore C. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. 1985. № 6 (2). P. 222–254.
43. Gentner D., France I. The verb mutability effect: Studies of the combinatorial semantics of nouns and verbs // Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence / eds. by S. Small, G. Cottrell, M. Tanenhaus. San Mateo, CA : Kaufmann, 1988. P. 343–382.
44. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1985. 137 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 июня 2020 г.

Semantic Derivation of Nouns

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/459/1

Vadim A. Belov, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Keywords: semantic derivation; lexical meaning; lexical change; noun; situational semantics.

The aim of this article is to describe the processes of semantic derivation of Russian nouns. The relevance of the research is that semantic derivation is the most important property of language and it takes place in the modern speech. The mechanisms of semantic derivation are actively discussed in modern Russian and foreign linguistics. In anthropocentric linguistics semantic derivation is associated with the functioning of cognitive models and schemes. However, most studies on this problem are based on the material of verbs. The research hypothesis is that the semantic derivation of nouns is caused by the contextual realization of situation. The novelty of the research is that semantic derivation of nouns is considered within cognitive linguistic framework. A situational approach is used for explaining the semantic development of nouns. The research analyzes the processes of modern speech based on data from the Russian National Corpus, the results of the experiment on the interpretation of new words, Yandex statistics, and Russian diction-

aries. The research has shown that lexical changes are connected with the semantic transfer from the situation of the utterance to the situation of the word. The situation activated in the utterance is gradually fixed in the meaning of the word itself. The research has also revealed that semantic derivation is accompanied by an increase of word frequency, and word frequency is an important factor of semantic change. ‘Bridge contexts’ play a significant role in semantic derivation: they specify the situation and create new meanings by using synonyms, adjectives and other contextual explanations. Semantic derivation has three stages: the stage of basic meaning, the stage of bridge contexts (involving the use of contextual specifics of the situation), the final stage of semantic changes. The situation indicated by the word changes because, firstly, the word meaning is created in the context of an utterance denoting a specific situation; secondly, a text has a complex situational organization. In texts, situations described by words, sentences, fragments interact in a complex way. In texts, nouns not only denote an object, but also participate in creating a situation: they provide information about the way the object is used, the action and participants of the situation. Nouns differ in their ability to describe situations: verbal nouns may present situations best, concrete nouns worst.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Zaliznyak, A.A. (2001) Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt “Kataloga semanticheskikh perekhodov” [Semantic derivation in synchronicity and diachrony: The project “Catalog of semantic transitions”]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 13–25.
3. Kustova, G.I. (2000) Kognitivnye modeli v semanticheskoy derivatsii i sistema proizvodnykh znacheniy [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 85–109.
4. Paducheva, E.V. (1998) Paradigma regul'yarnoy mnogoznachnosti glagolov zvuka [Paradigm of regular polysemy of sound verbs]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 3–23.
5. Ponomareva, O.B. (2006) Semanticheskaya derivatsiya i mnogoznachnost': neodnoznachnost' i sliyanie smyslov v poeticheskom tekste [Semantic derivation and polysemy: Ambiguity and merge of meanings in a poetic text]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*. 4. pp. 212–217.
6. Rozina, R.I. (2002) Kategorial'nyy sdvig aktantov v semanticheskoy derivatsii [Categorical shift of actants in semantic derivation]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–15.
7. Uryson, E.V. (1998) “Nesostoyavshayasya polisemiya” i nekotorye ee tipy [“Failed polysemy” and some of its types]. *Semiotika i informatika*. 36. pp. 226–261.
8. Geeraerts, D. (1997) *Diachronic prototype semantics: A contribution on Historical Lexicology*. Oxford: Clarendon.
9. Traugott, E. & Dasher, R. (2002) *Regularity in Semantic Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Traugott, E. (2011) Pragmatics and language change. In: Keith, A. & Jaszczolt, K. (eds) *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 549–566.
11. Kobozeva, I.M. (2004) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: URSS.
12. Dubossarsky, H., Weinshall, D., & Grossman, E. (2016) Verbs change more than nouns: A bottom-up computational approach to semantic change. *Lingue e Linguaggio*. XV. pp. 5–25.
13. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Derived meaning types and language extension mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Vsevolodova, M.V. (2000) *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [The theory of functional and communicative syntax]. Moscow: Moscow State University.
15. Kasevich, V.B. (2006) *Trudy po yazykoznaniyu: v 2 t.* [Works on linguistics: In 2 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Arutyunova, N.D. (2003) *Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy)* [Sentence and its meaning (logical-semantic problems)]. Moscow: URSS.
17. Babaeva, E.E. (1998) Kto zhivet v vertepe, ili opyt postroeniya semanticheskoy istorii slova [Who lives in the den, or the experience of constructing the semantic history of the word]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 94–106.
18. Enfield, N. (2003) *Linguistic Epidemiology: Semantics and Grammar of Language Contact in Mainland Southeast Asia*. London: Routledge Curzon.
19. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: <https://www.efremova.info>.
21. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg: Norint. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.
22. Shagalova, E.N. (2011) *Samyy noveyshiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka XXI veka: okolo 1500 slov* [The most up-to-date explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century: About 1500 words]. Moscow: AST; Astrel'.
23. Ermakova, O. (2006) The semantic processes in the Russian language on the turn of the 20th century. *Acta Neophilologica*. 8. pp. 23–32. (In Russian).
24. Yazikova, Yu.S. (2000) Semanticheskie protsessy v leksike russkogo literaturnogo yazyka [Semantic processes in the vocabulary of the Russian standard language]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology*. 1. pp. 174–182.
25. Evans, N. & Wilkins, D. (2000) In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages. *Language*. 76. pp. 546–592. DOI: 10.2307/417135
26. Evans, V. (2006) Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction. *Cognitive Linguistics*. 17 (4). pp. 491–534. DOI: 10.1515/COG.2006.016
27. Fauconnier, G. (2004) Pragmatics and Cognitive Linguistics. In: Horn, L. & Ward, G. (eds) *The Handbook of Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 657–374.
28. Aitchison, J. (2013) *Language change: Progress or decay?* Cambridge: Cambridge University Press.
29. Karjus, A., Blythe, R., Kirby, S. & Smith, K. (2018) *Quantifying the dynamics of topical fluctuations in language*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1806.00699.pdf> (Accessed: 06.10.2019).
30. Hamilton, W., Leskovec, J. & Jurafsky, D. (2016) Diachronic Word Embeddings Reveal Statistical Laws of Semantic Change. *Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2016*. 7–12 August. Vol. 1. Berlin: Long Papers. pp. 1489–1501. DOI: 10.18653/v1/P16-1141
31. Zimnyaya, I.A. (2001) *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. Moscow; Voronezh: Mosk. psikhol.-sotsial. in-t; NPO “MODEK”.
32. Zhinkin, N.I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka.
33. Ballmer, T. (1976) Macrostructure. In: *Pragmatics of Language and Literature*. Amsterdam; Oxford; New York: North Holland. pp. 1–22.

34. van Dijk, T. (1985) *Handbook of Discourse Analysis*. Vol. 2. London; Orlando; San Diego; New York; Toronto; Montreal; Sydney; Tokyo: Academic Press. pp. 1–8.
35. Apresyan, Yu.D. (2009) *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Research on semantics and lexicography]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
36. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility]. Moscow: Russkie slovari.
37. Gurevich, O., Crouch, R., King, T. & Paiva de V. (2008) Deverbal Nouns in Knowledge Representation. *Journal of Logic and Computation*. 18 (3). pp. 385–404. DOI: 10.1093/logcom/exm070
38. Givón, T. (1984) *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam: John Benjamins.
39. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the path of acquiring knowledge of language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
40. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press.
41. Croft, W. & Cruse, A. (2004) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
42. Fillmore, C. (1985) Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semantica*. 6 (2). pp. 222–254.
43. Gentner, D. & France, I. (1988) The verb mutability effect: Studies of the combinatorial semantics of nouns and verbs. In: Small, S., Cottrell, G. & Tanenhaus, M. (eds) *Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo, CA: Kaufmann. pp. 343–382.
44. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh State University.

Received: 20 June 2020